

ЮРИЙ КОВАЛЬЧУК

КРАСНАЯ ПЫЛЬ

РАССКАЗ

В общем, чего там говорить, все мы очень устали. Вражеская арта била почти безостановочно. Мы с Танцором ездили на двенадцатиэтажку возле мечети “Звезда” — взломали дверь на чердак и выбрались на крышу. Я использовал мощный бинокль, чтобы осмотреть территорию аэропорта. Впечатление шокирующее. В панораме всё это сильно напоминало Великую Отечественную. Падало, нет, сыпалось, повсюду... Даже странно было, что мы ещё час назад находились там и через час снова вернёмся в это пекло.

Обстрелы были безостановочными — укропы стреляли всем, что только находили на складах. Однажды, когда мы стояли на Свято-Иверском монастыре, попали под фосфор — одному парню тогда сожгло руку. К счастью, мы не были знакомы. Вообще фосфор запрещён всеми конвенциями, но разве это когда-то кого-то останавливало? Глубокая озабоченность, твою мать. Огненные сопки тянулись с неба и сжигали всё — запросто могли прожечь бронезилет; сгорали на глазах у обезумевших от зрелища соратников бойцы. К счастью, такое случалось не часто.

Зато обстрелов ракетами “Град” или гаубицами хватало с головой — где-то там я оставил Вагида, очередной залп РСЗО унёс жизнь дагестанца. Смешно, незадолго до смерти он ездил домой, и, чтобы он не поехал снова воевать, мать украла у него паспорт, а отец договорился, чтобы его задержала полиция. Не удержали — поехал. Только ненадолго.

Назад мы мчались на раздолбанной “Ниве” — недавно нам парочку прислал Жириновский. Владимир Вольфович откликнулся на просьбу — нам не на чем было забирать двухсотых, а брат машины из боксов Гиви запретил.

КОВАЛЬЧУК Юрий Сергеевич — журналист, писатель. Воевал в ополчении, находился в плену, был осуждён украинским судом к пяти годам лишения свободы. Освобождён по обмену. Живёт в ЛНР.

Впрочем, если бы мы всегда слушались командиров, нас бы, наверное, уже не было в живых.

Выскачили на Стратонавтов — почему бы тут не снимать фильмы про постапокалиптическую реальность? Теперь осталось всего несколько жителей, которые, несмотря на ковровые бомбёжки, продолжают бросать вызов действительности. Попадаются и мародёры — они недолго живут. Мы в них стреляем.

Едем, не думая о том, что в какой-то момент может и по нам прилететь. Весело скачем по обгрызанному асфальту, да уж лучше бы он был грунтовой дорогой. Нам сегодня дальше, чем обычно. Сегодня мы не на монастырь и не в Весёлое. Сегодня мы в Терминал. Танцор гонит так, что я на всякий случай молюсь, закрыв глаза. Его не осуждаю — с диспетчерской башни работают поляки со своими грёбаными “Барретами”.

Кое-как проскочили. Пару выстрелов было, но мне кажется, что не по нам. В любом случае благополучно. Я почти выпал из машины — за рулём был Танцор, а он презирает условности и вообще нищеанец. Он даже не останавливался — просто сбросил скорость, и мы с Уругваем выкатились на грязный асфальт; я едва успел выдернуть с сиденья свой 40-литровый рюкзак, и машина рванула.

Мы не стали вкалывать поляков или ещё какую нечисть и побежали с Уругваем в терминал. Я, конечно, недорого стою, а вот Уругвай классный боец. Он из Николаева, и до войны мы были косвенно знакомы. Его судили за покушение на местного мэра, конечно, по надуманным обстоятельствам, но потом обменяли, и он принял участие в работе отдела военных корреспондентов МО ДНР. В итоге служит по сей день, насколько я знаю.

Тогда он меня познакомил с таким явлением, как “красная пыль” — к нам по-идиотски заехала укропская БМП-2 с пехотой на броне, и бойцы дали по ним из “Утёса”. Броне это не повредило. А вот те, кто ехал на ней, превратились в красную пыль.

Нас встретил Ярёма — тот ещё раздолбай. Но кого только не тянет на эту бойню! В особенности, если у тебя укрповские артиллеристы порешили всю семью за раз. Он прикольно умеет ставить мины и вообще неплохой парень, только много употребляет. Я боюсь воевать рядом с такими. Даже в худшие времена я предпочитаю воевать на трезвую голову. Это плохо. Для меня война наркотик. Я уже никогда не спрыгну.

Скажу вам спойлер — я выжил, потом просился в Сирию, но меня не взяли. В итоге я выжил. А, ну это ж я пишу!

Мы с Уругваем отгрузили ребятам всё, что можно было подарить до зубов вооружённым людям: таблетки аспирина и парацетамола, “вогов” — гранат для подствольника — и пачки патронов 7,62. Презираю тех, кто в городе стоит на охране зданий, держа в руках колошмат на 7,62. Этого смертельно не хватает на фронте. Эта хрень может пробить броню БТР — так я слышал. В любом случае, нужнее они на передовой, чем в городе.

“Вогов” тоже почему-то всегда больше в городе, чем в аэропорте. Мы их постоянно таскаем ребятам вместе с пачками патронов калибра 7,62. Зато они нам без меры дают калибр 5,45. А ещё гранаты — я просто не беру их в город, потому что не понимаю: зачем они мне?

На этот раз у нас особая миссия. Мы ждём “танчик”. У нас тоже имелся один, но недавно его сожгли превосходящие силы бандерлогов. Он у меня даже на фотке есть — мы так и не смогли подойти, чтобы достать тела танкистов и похоронить их — там всё жутко простреливается. Так он и стоит — ребята закрыли окна фанерой, чтобы не видеть его сверх необходимого. Кенотаф для неизвестных героев. Мы ведь даже не знаем, как их звали.

На самом деле у нас для “танчика” немного барахла — моё ПТРД (в принципе, штуковина бесполезная, если речь идёт о Т-72 или чём-то помладше), пару РПГ-7, дюжина “Шмелей” (абсолютно бесполезных на таком расстоянии) и “Утёс”. Короче, мы можем оказать сопротивление, но не являемся фактором риска.

Вообще, танк для нас — это ад. В отличие от арты или РСЗО, которые сыплются с неба на наши грешные головы, но не достают через плиты

перекрытия, танк бьёт прямой наводкой прямо в окошечко. Ты только стрельнул, и вот тебе прилетает подарок, от которого ты почти что труп. Или сразу труп. Кому как повезёт. Уругвай вечно таскает с собой осколок, который должен был прошить ему пах, но застрял в его кожаной португее. А он находился в соседней комнате, когда жахнул укроповский “танчик”.

Этот нам очень насолил, и мы давно его ждём. К сожалению, нельзя поставить мины — это же чёртова взлётная полоса и вообще это всё асфальт! У нас, правда, была одна противотанковая граната времён Великой Отечественной — с парашютиком, но я сомневаюсь, что она помогла бы против современных танков. Впрочем, мы так и не попробовали. Героев, желающих приблизиться на достаточное расстояние, чтобы метнуть раритет, так и не нашлось.

На этот раз у нас был козырь — Мотор, а мы в тот момент находились с людьми Мотороллы, обещал прислать нам ПТУР. Будет реальный шанс взорвать эту чёртову коробку. Понятно, что появятся новые, но нам, по крайней мере, хотелось отплатить за наших братиков в том танке, что сгорел у нас на глазах, на задворках терминала.

Говорят, терминал брали чечены. Я такого не видел, но верю товарищам. Вроде как они вырезали весь укроп, хотя и с потерями. Надо сказать, что тут полно добровольцев и более экзотичных — у меня есть побратимы из Сербии, Литвы, Голландии, даже Ирландии... Представляете, мы ирландца называем Лепрекон. Он низок ростом и коренаст, но он реален — кажется, его зовут Майкл. Простите, я отвлёкся.

Кто бы ни брал терминал, но до сих пор достаточно в окно закричать: “Аллах акбар”, — чтобы бандерлоги попрятались на пару минут. Вероятно, тогда им добровольцы из Ичкерии всё-таки доставили проблем. Пока мы, как дурные, орём в окна про Аллаха, наши ребята быстро перемещаются с целью занять выгодную позицию.

Мы ждём “танчик”. ПТУР прибыл, и его оператор выбирает, суетливо колдует над приземистой установкой.

Технику чуешь издали. Она рвёт асфальт траками, а едет так громко, что если ты хоть раз в жизни слышал, то потом услышишь даже за десять километров. Я этой хрени немало слышал; приходилось с ними сталкиваться.

Сейчас я не боюсь — нас почти отделение. У нас РПГ и даже ПТУР. Конечно, может и убить, но это редкий перевес — обычно в этой войне мы выстуаем куда как меньшими силами. Обычно — этот звук — мы выходим малыми силами против — этот звук — противника, но всё равно одерживаем, как правило, победу — этот звук...

Я знал, что что-то не в порядке. Я чувствовал. Я видел. Но теперь уже поздно. На нас выехало аж три танка, и мы, замаявшись на долю секунды, сильно рассмеялись. Это пустой смех, на самом деле. Но это большое облегчение. Релакс человека, который больше ни за что не отвечает. Который больше никого не обидит. Который сейчас умрёт.

Если вы никогда не умирали, вам этого не понять. Такое чувство бывает лишь тогда, когда ты уже за пределами жалости и ответственности. Не знаю — не хочется об этом много говорить. Стоит попробовать.

Мы все понимали, что три танка мы не вывезем. Один бы с радостью, но три — наш ПТУРшик продолжал делать вид, что он готов стрелять, но мы все понимали, что мы смертники. Уругвай поступил честно и пошёл, в обнимку прощаясь с ребятами. Я хотел так же, но моё ружьё было на взводе.

В какой-то момент все три башни поглядели на нас своими смешными хоботами, и я подумал: “Пипец...” Сейчас первый выстрел — и пыль, гарь... А потом второй и — в Вальхаллу.

Рядом Чужой готовил термобар. Уругвай обнимался со Стрелком. Ярёма, кажется, ушёл в задние комнаты — ещё бы, у него был только автомат.

И вот наступило то, чего мы так долго ждали. Смертушка. Мы её ждали столько раз в Краматорске, Миусинске... Так вот же... Наконец! Хлопты закончились.

И в этот момент танки повернули свои башни. Бляха, я не шучу — мы уже были готовы помереть, потому что нам всадят аж три танка, но они повернулись от нас.

А знаете, что потом было? Они принялись расстреливать Пески. О, Боги! Там всё горело и взрывалось. Они так хорошо всё делали, что ни у кого из нас не поднялась рука в них пальнуть из РПГ-7. Да мы с них пылинки готовы были сдувать — ведь в Песках базировались их же родные бандерлоги!

Они отстреляли весь боезапас, а я, честно, не знаю, сколько там может Т-72. Но я знаю, что я видел. Там, в Песках, всё горело и взрывалось. Глядя на удаляющиеся танки, мы чувствовали себя брошенными, если не сказать, опущенными.

На следующий день я уехал в Донецк — пора было скинуть видео на сервер, да и Губарев чего-то от меня хотел. После работы пошёл к своим куполам.

В общем, оказалось всё как обычно. Это не Х-лучи воздействовали на украинских танкистов. Это не осознание гражданской войны развернуло их стволы. И уж конечно, это была не совесть...

Просто перед этим регулярную часть ВСУ, базирующуюся в Песках, цинично и осознанно покинуло восемьдесят два пехотинца ввиду явной боязни встречи с мадам с косой. Восемьдесят два — это так нехило, что дошло до руководства в Киеве. Они поступили по-своему. И от Киева к ним в гости приехал “Правый сектор”, который стрелял на убой, чтобы наказать, а вообще я, на самом деле, не совсем понял, зачем.

Могу только сказать, что мы стоя аплодировали. Боже, неужели нельзя так сделать, чтобы они сознательно самоистребились? Чтобы над гарью вражеских окопов пронзительный ноябрьский ветер гонял сквозь вёглы их красную пыль?